
ГОЛОСЕНКО Игорь Анатольевич - доктор философских наук, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН.

В предыдущей статье (Социол. исслед. 1996. № 7) мною показаны результаты осмысления отечественными социологами XIX - начала XX веков феномена нищенства (причины и формы этого вида человеческой деятельности, социальной психологии ею вызываемой и т.п.)- Но картина будет явно неполной без выяснения мер, выдвигаемых учеными и администрацией для уничтожения или по крайней мере уменьшения данного явления. Рассмотрение этих мер предполагает предварительное выяснение онтологически более исходного и глубокого вопроса: как же сам русский народ в своей массе относился к нищенству? По многочисленным свидетельствам - далеко не однозначно. Некоторые исследователи даже считали, что главным в нем было глубокое презрение к праздности, лжи и лености, сопутствующих попрошайничеству. Неслучайно пастыри православной церкви, писал И. Прыжов в книге "Нищие на Святой Руси", часто жаловались на "холодность" простого народа к нищенству [1, с. 36, 80]. Но, с другой стороны, с введением христианства, народ воспитывался на вере в "святость нищих", угодности их Богу. Раньше нищих не было в жизни славян. Уже при Владимире летописи отмечали быстро растущее число нищих, а при Ярославе они получают "юридическое положение в обществе, делаются людьми церковными". Книжники XII—XIII веков выразительно запечатлевают княжеское "нищелюбие". Нищие начинают размножаться, как саранча, эксплуатируя обычай - проявить милосердие путем мелочной денежной подачи. Обычай был "с виду такой благочестивый и патриархальный, а в сущности безжалостный и вредный", ибо вытеснял "из народного сознания настоящее понятие о благотворительности, уничтожал в зародыше малейший порыв к доброму делу" и милосердию, которое останавливалось на одной формальной стороне милостыни - копейке [1, с. 41-43, 58, 70; 2, с. 35]. При этом он же невольно породил множество разновидностей обмана. Кого только ни встретишь среди нищих, писали наблюдатели их жизни: тут и баба "с поленом вместо грудного ребенка", "зрячие слепые", "хромые, способные бегать", безбожники, собирающие "на храм", бодрые старухи, собирающие на "собственные похороны" и т.п.¹ Однако народ стихийно догадывался, что только обманом и злоупотреблениями не ограничивается самое явление нищенства, ведь сложил же он поговорку "От сумы, как и от тюрьмы, не зарекайся", поставив знак равенства между двумя бедами. Конечно, это явление, живое и болящее, не покрывалось только одной огульной характеристикой, хотя мазурики всегда были.

Отечественные историки и социологи выделяли в жизни человечества три крайне переменчивые в деталях формы борьбы с нищенством: запретительно-репрессивные, систему общественного и личного призрения и "социальную политику". Они шли одна за другой в историческом процессе, но не вытесняя предыдущую, а сложно сосуществовая и взаимодействуя [2, с. ПО; 3]. Долгое время борьба с нищенством в России сводилась только к наказаниям со стороны государственной власти - к отдаче в

¹Интересно, что авторы художественных и публицистических очерков о бродяжках и нищих всегда упоминали ловкачей и обманщиков среди них. Особенно выразительные картины рисовали Я.А. Харламов ("Христовым именем", 1889) и Н.Н. Животов, который по несколько дней (от трех до шести) проводил в разных ролях - извозчика, официанта, факельщика, оборванца-босняка ("Петербургские профили", 1894— 1895).

крепостную зависимость, к принудительному труду, нещадному битью кнутом, клеймению, рванию ноздрей, вплоть до публичных казней. Начиная с Ивана Грозного, встревоженного размахом этого социального бедствия, многие московские цари (Алексей Михайлович особенно) пытались системой жестких запретов решить вопрос [2, с. 84-85]. Эстафету подхватил и Петр I, круто ломавший старый уклад русской жизни, используя подчас многие свирепые приемы того же уклада. Если "Домострой" проповедовал идеологию "святости нищих", то Петр I ввел нечто неслыханное - специальным указом запретил подавать милостыню на улице и в церквях под угрозой большого денежного штрафа. Лицам, склонным к доброте и милосердию, было рекомендовано передавать пожертвования непосредственно в богадельни. Царь предложил 478 монастырям (многие из которых были весьма богаты), создать богадельни, приюты, мастерские, работные дома для нищих. Монастыри, переживая идеологическую несовместимость с указом, сопротивлялись, как могли, оправдываясь "неимением мест". Параллельно с этим упорствующих нищих (особенно лже-калек) били кнутом, рассылали по местам жительства и ссылали в Сибирь. Плодились новые антинищенские указы (1731, 1758 гг.), но плодились и нищие. К началу XIX века, вспоминали очевидцы, в больших городах не было ни одной улицы, где бы ни бродили толпы нищих. Война 1812 года, серьезно подорвавшая народное хозяйство страны, их несказанно увеличила. Согласно полицейской статистике, только в Москве 60-х годов насчитывалось до 40 тысяч нищих, собиравших в год более 3 миллионов рублей подаяния [1, с. 71]. Потом эти цифры растут скачками, составив в начале XX века 1 миллион нищих и более 230 миллионов рублей собираемого ими подаяния [4, с. 26]. Законодательные запреты оставались мертвой буквой. Несмотря на административное рвение проблема не исчезла, так как указами не затрагивались коренные причины появления нищенства, и в лучшем случае обращалось внимание на его функционирование. Кроме того, часто подлинные общественные и государственные интересы бюрократами просто подменялись узкогрупповыми, канцелярскими интересами, создавая видимость управления и решения общественных проблем. Так, в ответ на повеление Николая I в 1854 году о категорическом запрещении нищенства в империи чиновники оперативно доложили, что решительные меры ими незамедлительно приняты и ... просто перестали вести учет нищих в подвластных городах и селах и посылать эти сведения в Петербург. Уже в 1855 году из 63 губернских комитетов о нищих действовало лишь 12, а из 360 уездных - 7 [1, с. 43]. Не только исследователи, но даже администраторы к концу XIX века дружно констатировали неэффективность чисто репрессивного подхода к решению вопроса. Рассмотрим ситуацию подробнее. В стране действовала система ареста нищих, помещения их в приемник и далее рассмотрения дела в городском Комитете разбора и призрения нищих. Комитет был государственным учреждением, его администрация состояла из вице-президента и восьми членов, включая юристов и врачей, которые вели бюллетени о количестве прибывших за день нищих, заполняли на каждого "разборный листок" с рубриками - имя, фамилия, сословие, возраст, национальность, вероисповедание, особые приметы, состояние здоровья, место жительства, ремесло, опись ценностей и вещей, сданных на хранение. Сведения этого сорта составляли богатый банк эмпирических данных для научного исследования нищенства по всей империи, учитывая, что земская статистика, часто изучавшая бедность, была только в одной трети губерний, а не во всех, как иногда ошибочно думают. Обычно нищих доставляли городские, но порой они приходили и сами с просьбой о пособии. В особую книгу заносились имена и размер пожертвований для Комитета от частных лиц. Помощь была денежной, либо продовольствием и лекарствами. Но основной массив расходов покрывался государством. После опроса и медицинской обработки новичка остригали, вели в баню и переодевали. Он поступал на полное обеспечение Комитета, получая регулярное и полноценное питание и ночлег. Один раз в неделю происходило заседание Комитета, где проводилась сортировка клиентуры. Дряхлых и больных помещали в богадельни и больницы,

но это было делом трудным из-за их хронической перегруженности. Пресса столичная и провинциальная была переполнена постоянными жалобами на нехватку подобных учреждений. Здоровых нищих отправляли на фабрики и в мастерские при наличии мест, иногда такие мастерские создавались при самих комитетах. Праздношатающихся, злостных нищих и бродяг доставляли к мировым судьям, которые распределяли их либо в тюрьму, на поселение в Сибирь, либо высылали на родину или в места предыдущего проживания. В 1896 году по этапу было отправлено 2 899 человек, в том числе из столицы 807, а в 1897 году - соответственно 1 187 и 575. Потом цифры стремительно поползли вверх. Только в течение 1903 года из санкт-петербургских пересыльных тюрем было отправлено "на родину" почти 30 тысяч человек в качестве "опасного элемента населения, отбившегося от труда" [5, с. 25]. Вся эта процедура довольно дорого обходилась казне, учитывая расходы на еду, новую одежду и обувь, лечение (иногда и похороны), переезд по железной дороге. Подавляющее большинство высланных вновь возвращались в города, так как на родине социальные корни были разрушены, работу найти было трудно, община их считала отрезанным ломтем, многих развратило тунеядство. Полученную в приемнике экипировку (к рубашке, пиджаку, брюкам и ботинкам зимой добавлялся еще и полушубок) продавали скупщикам и вновь наряжались в лохмотья. Вырученные деньги, как правило, пропивали. Кое-кто из таких летунов по нескольку раз в год проворачивал похожие операции (в печати упоминался рекордный случай сорокапятиразового попадания в приемник!), считая их разновидностью милостыни, получаемой не от частных лиц, а от самого государства. При этом хвастались, намекая на государственную виновную монополию: "Отчасти приносим пользу казне! Перегоняем одежду на вино!" [3, с. 8-10; 5, с. 22-25, 28]. Как мера ограничения и уничтожения нищенства "этап и ссылка" были бесполезны, ибо тех, кто принципиально занимается этим промыслом, она не останавливала, а если человек временно и вынужденно прибегал к подаянию, так как не мог найти социабельных источников выживания, то эта мера наносила ему прямой вред, поскольку мешала возможности идти на заработки в другие районы. В родных краях этих возможностей у него не было, неслучайно он уже уходил отсюда. Безвыходное, отчаянное положение опять выталкивало в нищенство. Сопровождалось это неврозами, деградацией и глубокой фрустрацией несчастных людей. Кроме того, ссылка регионально раздвигала границы нищенства, которое исторически концентрировалось в Центральной России. В Сибирских губерниях долгое время нищенством не занимались совершенно. Порочная практика ссылки сюда нищих сделала свое недоброе дело. С конца 70-х годов в местных городах образовалось многочисленное "дно", и появились "свои" нищие [2, с. 33]. В конце XIX века Министерство внутренних дел распространило среди губернаторов страны специально составленную анкету о нищете в руководимых ими районах. Она включала вопросы: число нищих в губерниях, распределение их по полу, возрасту, национальности, вероисповеданию и сословиям, сколько пользуются случайным подаянием и организованным, сколько поступают в богадельни и приюты, наличие учреждений и капиталов общественного призрения (частных и церковных), насколько действенны репрессивные меры против нищеты. Подавляющее количество опрошенных констатировало свое неверие в полезность "этапа и ссылки". Неудачи репрессивных мер борьбы с нищенством вносили пораженческие и упаднические настроения в ряды сторонников этой борьбы вообще. Впрочем, не только эти неудачи вызывали уныние среди тех, кто хотел "устранить зло разобщения" между людьми разного достатка. Характерный случай произошел с Л. Толстым в его попытках благотворительности и наведения мостов между нищими, бедными и богатыми. В начале 1882 года он с энтузиазмом принял участие в административной переписи жителей Москвы. За несколько дней до начала работы произнес в собрании Московской Думы речь, сразу же напечатанную во всех крупных газетах. "Цель социологии, — говорил в ней Толстой, — счастье людей, тогда как цель всякой другой науки есть только знание ... переписи, как к научной работе, надобно поэтому при

соединить дело любовного общения богатых, досужных и просвещенных с нищими, задавленными и темными". Однако с его благими надеждами произошел неожиданный конфуз. Из всех богачей, кто обещал ему помощь для беднейшего населения города (около 3 тысяч рублей), никто не дал беднякам ни копейки. Между тем за одну новогоднюю ночь в московских ресторанах выпивалось шампанского на сумму, превышавшую просимую. Только студенты отнеслись сочувственно к замыслу Толстого и внесли деньги, полученные ими за работу по переписке - по 12 рублей с каждого. Еще меньше сбылись его ожидания со стороны бедняков. В.В. Розанов как-то точно отметил, что Толстой бесконечно любил "все живописное в людях, в характерах, в поведении". Вероятно, эта же любовь толкнула его на личное посещение центра московской нищеты (так называемого "ржановскую крепость"), где он несколько наивно ожидал увидеть необычных, "особенных людей, а нашел там таких же, как и те, среди которых сам жил - "более или менее дурных, более или менее счастливых, более или менее несчастных". Он пытался взять оттуда в свой дом бесприютного ребенка, но тот через некоторое время сбежал назад. Мальчик был испорчен возможностью убогой, но беззаботной жизни без труда и распорядка. Великий писатель сравнил себя в попытках благотворительности с врачом, который принес "свое лекарство больному, обнажил язву, разбередил ее и признался сам себе, что все делал напрасно", "что лекарство его не годится" [6, с. 829-832].

Постепенно в общественном мнении стало расти убеждение: борьба с нищенством - комплексная, очень сложная задача, которую не решить ни индивидуальными порывами высокого религиозно-морального пафоса, ни чисто административными мерами, единообразными для всей огромной и регионально разнообразной страны. Многие так называемые "проклятые" социальные вопросы, писал Е. Максимов, взаимосвязаны, и их решение должно быть планомерным [2, с. 39]. Он считал, что успешное решение этой задачи охватывает проблемы глубочайшей модернизации страны, включая рост народного благосостояния (уменьшение крестьянского малоземелья, развитие кустарных промыслов в кооперации, уничтожение безработицы), увеличение размеров местного самоуправления, демократическую реформу образования, усиление юридической защиты населения, особенно низов, и серьезную трансформацию народного сознания на базе увеличения автономности личности за счет размывания сословных перегородок и статусной заданности [2, с. 53-56]. Как видим, это идеальная сверхпрограмма. А что еще делалось в реальности кроме репрессивных акций? Приносило ли это плоды?

Вторая историческая форма борьбы с нищенством - "система призрения" - имела различные виды, начиная с традиционного, стихийного подаяния милостыни и кончая сложной социальной организацией благотворительного дела с опорой на научные исследования вопроса, собственной прессой, съездами, на которых обобщался положительный опыт, отечественный и зарубежный. Исходная, неорганизованная форма вызывала двойственное чувство исследователей. "Как показал опыт, она наряду с действительной пользой приносит много вреда, так как приручает ... к жизни без труда и тунеядству" и невольно плодит проходимцев [2, с. 114; 7, с. 19, 41]. И хотя стихийная милостыня не исчезала из обихода, ей стали, особенно с конца XVIII века, противопоставлять (и тенденция эта все время росла) организованное частное, коммунальное и государственное призрение в двух целевых и содержательных разновидностях - "терапевтическое", направленное на преодоление уже сложившихся крайностей бедственного положения людей, и "профилактическое", оказывающее помощь до наступления крайней нужды и этим предотвращающее ее. Последняя всегда индивидуализировала помощь, апеллируя к конкретным людям и небольшим группам их, опиралась на научное изучение потребности и размеров помощи. Ведь совершенно очевидно, что помощь тем, кто может (и хочет) работать, и тем, кто уже не может по дряхлости, убогости или болезни, должна различаться. Были также сильные возрастные и половые вариации. Стихийная милостыня всех механически выравнивала. Организованное призрение настаивало на дифференциации нищих и

помощи им - одним искало посильную работу, обеспечивало профессиональное переучивание, устанавливало контакты с посредниками в бюро рабочей силы, обеспечивало поиск постоянной занятости: от занятости от работы на дому до общественных работ [8]. Других оно устраивало в лечебницы и богоугодные заведения. Особое внимание исследователи и энтузиасты призрения обращали на нищенство детей и выдвигали проект системы "защиты детства", который предлагал ряд нововведений: детское право, за нарушение которого родители и родственники или те взрослые, кто принуждает детей к нищенству, попадали бы под суд, создание сети специальных садов, приютов и школ, развитие института приемных родителей и т.п. [9]. Помимо уже отмеченных форм системы призрения, оно еще делилось на "открытое", когда помощь осуществлялась при сохранении нуждающегося на свободе, и "закрытое" - с лишением свободы (рабочие дома, колонии, приюты, лечебницы) и принудительным трудом. В налаживании отечественной системы призрения приняли посильное участие многие выдающиеся профессора и общественные деятели - отец русской земской статистики В.И. Орлов, историки В.И. Герье, Н.И. Костомаров, правоведы А.Ф. Кони, Д.А. Дриль, С.К. Гогель, лидеры женского движения А.Н. Шабанова, А.П. Философова, Н.В. Стасова, Е. Щепкина и др.

Для усиления организационного эффекта передовые формы призрения логично прибегали к сильному средству - созданию специализированных журналов: "Трудовая помощь", "Вестник благотворительности", "Призрение и благотворительность", которые пропагандировали научные разработки вопросов, координировали филантропические усилия и обсуждали нашу и заграничную практику борьбы с нищенством. Лучшие западные работы (В. Бутса, Дж. Гобсона, Дж. Льюиса и др.), как правило, переводились и комментировались. Сердцевину "открытой" и "профилактической" системы призрения составляла так называемая "трудовая помощь", как система мер организации самостоятельной трудовой жизни [10, 11]. Она включала в себя разнообразные меры по трудоустройству нищих, а также безработных и бедных как их резерва. Один из самых серьезных исследователей нищеты и инициаторов "Трудовой помощи" Е. Максимов требовал создания большой сети бюро по найму и спросу силы, сообщающей собранную информацию в уездные и губернские города, которая будет облегчать направленную мобильность рабочей силы, ищущей своего приложения. Когда работники двигаются по стране наугад, они теряют много здоровья, нервов и сил впустую и часто вынуждены прибегать к подаянию. Далее по путям постоянной миграции рабочей силы следует создавать сети лечебно-продовольственных пунктов, бань, приютов, столовых. Похожие меры еще раньше предлагал крупнейший исследователь бедности - Д. Линев [7, с. 32—33]. Другая сторона "трудовой помощи" - открытие касс и фондов взаимопомощи для приобретения земли, продуктов и средств производства. Законодательство, охраняющее труд и тружеников, поддерживает ценности трудовой, а не паразитической (хотя бы и по нужде) жизни и, следовательно, сокращает нищенство. Но пока многие из этих рекомендаций оставались в области "должного", а реальность была более прозаической. Вот конкретная иллюстрация сложностей в организации "трудовой помощи", оказанной крестьянам негосударственным "Попечительством о домах трудолюбия и рабочих домах" в 1899 году. Последнее десятилетие XIX века ознаменовалось крупным недородом почти во всех губерниях. Десятки миллионов крестьян, побуждаемые систематической голодовкой, обратились к общественной и правительственной помощи. Было собрано несколько миллионов рублей, и "Попечительство", привлекая, как отмечалось в отчете его уполномоченного, тысячи интеллигентов-добровольцев приступило к организации помощи в Казанской, Вятской и Симбирской губерниях. Помощь состояла из ряда мер:

1. Вначале была оказана срочная продовольственная поддержка, организованы бесплатные столовые и фельдшерские пункты. Однако организаторы обратили внимание на некоторый деморализующий эффект этого рода забот. Честный работник стыдился при мысли, что он даром, без всякого труда получает пищу, тогда

как он нуждается в работе, а не бесплатной подачке. В связи с этим было решено дополнить ее более действенной и целесообразной помощью.

Были предприняты такие общественные работы, которые служили на пользу всей местности и не могли быть реализованы крестьянами сугубо индивидуальными усилиями - срывание косогоров, исправление подъемов и спусков, расширение дорог, устройство запруд и мостов, рытье глубоких колодцев. Затраченные "Попечительством" деньги (более 200 тысяч рублей) целиком остались у местного населения, заработок помог прокормить семью и поддержать хозяйство в трудное время.

Одновременно "Попечительство" приступило к организации в крупных деревнях и уездных городках различных учебных мастерских: столярных, кузнечно-слесарных, ткацких и т.п. с необходимыми складами сырья. Было обращено внимание на поддержание и развитие местных кустарных промыслов, которые могли служить поддержкой при критическом состоянии основного сельскохозяйственного производства.

В 177 пунктах были устроены детские ясли, которыми воспользовалось 7 856 детей малолетнего возраста. Освобожденное на время от заботы относительно отпрысков население увеличило свою трудовую производительность. Кроме того, дети приучались к порядку и опрятности, становились общительнее и добрее.

Разумеется, помощь всех перечисленных видов оказывалась "Попечительством" только при наличии средств; по мере их исчерпания программа сворачивалась, но у крестьян появился ценный социальный опыт, и многие из них были спасены от сползания в нищенство. Важной формой "трудовой помощи" являлось строительство дешевых и здоровых жилищ для бедных. Это сохраняло рабочую силу - главное в национальном богатстве. Добрый "домашний очаг" ликвидирует многие семейные причины нищеты. Медико-социологические обследования жилищ бедного населения и даже среднего класса показывали, "как не надо строить дома для людей" [12]. Самым удачным примером конкретного решения квартирного вопроса для бедных были опыты, проведенные "Товариществом по борьбе с жилищной нуждой", созданным деканом юридического факультета Психоневрологического института профессором-позитивистом Д.А. Дрилем и рядом его энергичных сторонников [13]. По своему уставному строению товарищество было паевым учреждением, членом его мог стать всякий, приобретя хотя бы один пай за 25 рублей. Поощрялось приобретение прав самими будущими жильцами. Начали с очень скромным фондом. Для изучения постановки дела один из членов правления, инженер по образованию, был послан за границу². Планы "Товарищества" заинтересовали различные государственные учреждения и частных лиц. В 1903 году Министерство внутренних дел стало пайщиком на 100 тысяч рублей, в 1905 году Дума Петербурга - на 60 тысяч рублей. Министерство финансов предоставило налоговые льготы и кредиты. В итоге был построен на Васильевском острове знаменитый "Гаванский городок", сохранившийся до сих пор. Он состоял из пяти домов умелой планировки и оригинального внешнего вида, рассчитан был примерно на 2 тысячи жильцов. В домах сочетались два типа жилищ - отдельные комнаты для холостяков с общими кухнями и отдельные семейные квартиры от одной до трех комнат с центральным отоплением, вентиляцией, кухнями, душевыми, туалетами и шкапами для провизии. Квартиры и комнаты такого размера в частном секторе стоили значительно дороже, даже будучи в худшем состоянии. Кроме удобных и гигиенических квартир в городке были устроены школа на 300 учащихся, библиотека, два спортивных зала, детский сад, медицинский пункт и "дешевая и правильно организованная столовая". Общество Народных университетов, в котором сотрудничали ведущие профессора столичной высшей школы, организовало в учебных классах циклы лекций общеобразовательного характера. Проводились экскурсии в городские музеи, устраивались концерты и любительские спектакли. Так что городок был не просто удобным жильем, но своего

² Многие русские урбанисты считали, что нам крайне необходим западный опыт демократического решения жилищного вопроса. См.: Диканский М.Г. Квартирный вопрос и социальные опыты его решения. М.: Тип. А.И. Попковского, 1912.

рода просветительским учреждением с новым видом общения и досуга для бедного люда, составившего подавляющее большинство его населения. После Февральской революции различные комиссии Временного правительства создавали планы застройки всей Гавани в архитектурном и социальном стиле "Гаванского городка". Но известные события не дали реализоваться этим планам. Исследователи и энтузиасты, справедливо опасаясь неправильного понимания подобных опытов со стороны консервативных кругов сословного общества, предупреждали: все эти цивилизаторские мероприятия не следует считать социалистическими и на этом опасении препятствовать им, ведь не была же освободительная реформа 1861 года социалистической? По этому пути борьбы с нищетой и бедностью уже пошли все развитые страны Запада, и Россия обязана последовать за ними.

И наконец, самой сложной формой борьбы с многими проблемами "дна" является, как неоднократно отмечали социологи, "социальная политика", т.е. планомерная и целенаправленная деятельность государственного аппарата по общему улучшению экономического, правового и духовного положения трудящихся масс [2, с. 115]. В ее основу должно быть положено правило - все, что делается для народа, обязано быть сделано только с его заинтересованным участием, что требует необходимой суммы гражданских прав, известного культурного уровня, навыков самоорганизации и, разумеется, инициаторов движения, людей, воодушевленных верой и рвением к общественному служению. Дело призрения требовало сердечного милосердия и энтузиазма в таких размерах и объеме, каким "не обладал ни один государственный чиновник". Вот почему все государственные акции в сфере "социальной политики", по извечным законам бюрократизма, были малоэффективными, а работа многочисленных комитетов призрения оказывалась часто холостой [2, с. 124-126]. Страшно медленно, под нажимом аграрных волнений и стачечной борьбы в городе, женского движения, отечественного и зарубежного общественного мнения, правящий аппарат пошел на вынужденное признание необходимости "что-то сделать" основательно. Постепенно рождается идея реформы всей государственной системы призрения и объединения ее усилий с частным патронатом. В 1891 году Московская Городская Дума приняла разработанный комиссией под председательством профессора В.И. Герье проект положения об участковых попечительствах. В 1894 году в Москве было открыто 40 общегородских попечительств с ежегодной государственной субсидией в тысячу рублей. Во главе их стояли правительственные чиновники и совет из добровольцев. В свою очередь каждое такое попечительство делилось на еще более мелкие отделы, которые осуществляли социальную помощь и контроль над собранными благотворительными ценностями во всех более дробных частях города. Эти отделы возглавлялись частными лицами, входящими в совет вышестоящего попечительства. На призыв Думы откликнулось 1 721 лицо, пожелавшее добровольно принять участие в улучшении городской благотворительности. Зная хорошо свой район, они оказывали помощь не анонимно, скопом, а конкретному лицу в соответствии с постигшей его нуждой. Лицом к лицу с нуждающимся, без формального посредника - чиновника и без подавания наугад, когда многие деньги попадали не в те руки. А это составляло весомую сумму. По подсчетам специалистов, в конце XIX века нищие ежегодно собирали более 200 миллионов рублей. Если сдавать пожертвования непосредственно в местные комитеты, ситуацией можно управлять. Попади эти деньги "по назначению, - писал один из исследователей, - сколько можно было бы утереть слез и сделать добра" [3, с. 45-46]. И действительно, в Москве произошло заметное улучшение дела призрения, во всяком случае количество нищих москвичей стало уменьшаться, но при этом общее количество их не снижалось из-за притока нищих из других губерний. Тогда, в 1899 году, Министерство внутренних дел рекомендовало этот опыт всем городским управам России. За последующие два года новая система была введена в 40 городах и продолжала внедряться в дальнейшем, хотя и с затруднениями. Исследователи сразу же обратили внимание на то, что скорость реформы зависит от социальных условий ее воплощения. В больших городах она шла успешнее, здесь было большое скопление

образованных и состоятельных людей, принимающих близко к сердцу данную проблему. Во многих же уездных городах попечительские комитеты так и не были созданы, хотя нищие в них имелись. В провинции вообще отношение к ним было довольно патриархальное даже со стороны властей. Исключения, тем более удачные, были редкостью, и их сразу же исследователи брали на заметку [14].

Постепенно все лица, заинтересованные и занятые проблемами бедности, нищеты и призрения, начинают понимать необходимость преодоления разноречия в своих усилиях. Известный специалист по уголовной социологии, считавший материальную нужду питательной средой преступности и в этой связи обращавший внимание на преодоление нищеты, - С.К. Гогель писал о состоянии вопроса в России: призрение у нас "не имело соразмерности ни в действиях своих, ни в средствах, ни единства в целях" [15, с. 182]. Для преодоления этих недостатков был создан "Всероссийский союз учреждений, обществ и деятелей по общественному и частному призрению", который 8—13 марта 1910 года провел Первый Съезд русских деятелей по призрению, наметивший планы координации всех усилий. Материалы съезда бесплатно распространялись среди земских и городских управ. Еще более серьезная акция имела место весной 1914 года, когда Министерство внутренних дел организовало и провело Второй Всероссийский съезд по общественному призрению, участники которого, теоретики вопроса и практические работники, отметили ряд достижений и неудач в деле уменьшения нищеты. По его итогам было выпущено два солидных тома, в которых намечалась стратегия борьбы с нищетой и ее возрастным резервуаром - детьми из социальных низов, как составная часть серьезного обновления страны. Особо подчеркивалась важная роль научных исследований в этой области с целью снабжения объективной информацией тех, кто пожелает принять посильное участие в позитивном решении вопроса. Начавшаяся в том же году империалистическая война и вслед за ней гражданская оставили все эти планы на бумаге. Наоборот, извечные спутники разорительных войн - бедность, нищета и беспризорность только увеличились в России в последующие годы [16].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Прыжов И.* Нищие на Святой Руси. Казань: Молодые силы, 1913.
2. *Максимов Е.Д.* Происхождение нищенства и меры по борьбе с ним. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1901.
3. *Левинстим А.А.* Профессиональное нищенство, его причины и формы. СПб.: Тип. Стасюлевича, 1901.
4. *Новобергский Н.Я.* По пути к вырождению. Социально-гигиенические очерки. СПб.: Тип. А.М. Лассман, 1913.
5. *Бахтиаров А.* Босьяки. Очерки с натуры. СПб.: Изд. Ф.И. Митюрникова, 1903.
6. *Ц-с.* Диагнозы и рецепты // Вестник Европы. 1885. Кн. 12.
7. *Линев Д.А.* Причины русского нищенства и необходимые против них меры. СПб.: Тип. В. Демакова, 1891.
8. *Раевский А.Л.* Общественные работы, их понятие, современное положение и возможная роль в будущем. Харьков: Тип. "Печатное дело", 1913.
9. *Горностаев И.Ф.* Задача детской помощи // Трудовая помощь. 1911. № 3.
10. *Герье В.Е.* Записки об историческом развитии способов призрения бедных. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1891.
11. *Филантроп (Максимов Е.Д.).* Трудовая помощь, ее основание, задачи и важнейшие формы. СПб.: Тип. В. Киршбаума. 1899.
12. *Рубель АН.* Жилища бедного населения г. Санкт-Петербурга // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1893. № 4; *Козловский П.* Угловые квартиры 2-го участка Рождественской части г. Петербурга // Журнал Русского общества охраны народного здоровья. 1913. №2-4; По старопетербургским квартирам. // Неделя. 1879. № 41-42; *Свешников И.* Петербургские трущобы и их обитатели. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1900.
13. Товарищество борьбы с жилищной нуждой. СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлих, 1911.
14. *Максимов Е. Д.* Опыт организации разбора нищих в провинции // Вестник благотворительности. 1899. №6.
15. *Гогель С.К.* Современное положение общественного призрения в России // Труды Съезда по общественному призрению, созванного Министерством внутренних дел 11-16 мая 1914 г. Т. 1. СПб.: Тип. Безобразов и К°, 1914.
16. *Маро М.И.* Беспризорные. Социология. Быт. Практика работы М.: Новая Москва, 1925